

УДК 141

В. И. Савинцев

ТЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРСОНАЛИЗМЕ Н. О. ЛОССКОГО¹

Рассматривается реализованная Н. О. Лосским методология осмысления русского национального характера. Отмечается, что Лосский выявляет и анализирует устойчивые социокультурные образы и их варианты. Материалом для исследования выступают художественная литература, философская публицистика и эпистолярное наследие.

103

The article considers N. O. Lossky's methodology for interpreting the Russian national character. It is noted that N. O. Lossky identified and analyzed stable sociocultural images and their variants. Fiction, philosophical essays, and epistolary heritage are used as sources for the study.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, национальный характер, субстанциальный деятель, свобода, религия, идеал, социальный опыт, ментальность.

Key words: social identity, national character, substantial figure, freedom, religion, ideal, social experience, mentality.

Тема социокультурной идентичности — одна из востребованных в отечественной социальной философии и культурологии. Согласно мнению специалистов, россияне, с одной стороны, по-прежнему пребывают в состоянии кризиса социокультурной идентичности [3], но, с другой — начинают переживать процесс «этнокультурного» возрождения [4]. Учитывая, что развитие общества имеет нелинейный характер, в социокультурогенезе возможны неравномерные, порой взаимоисключающие культурные изменения. Для исследования формирования культурной идентичности необходимы более-менее четкие методы, включающие как конкретно-научные (социологические, статистические, психологические, лингвистические), исследующие внешние условия формирования социокультурной идентичности, так и философские, интерпретирующие типологию и свойства национальных характеров.

В российской философии культуры и историософии со второй половины XIX в. стали появляться работы, в которых анализируется русский национальный характер, прогнозируются пути развития русской культуры на фоне ускоряющейся истории. В этом направлении про-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Динамика калининградской идентичности: глобальные контексты и региональная специфика» № 15-03-00797.

явили себя Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов, Н.С. Арсеньев, Д.И. Чижевский и др. Весомый вклад в философское изучение национального характера принадлежит Н.О. Лосскому, представителю персоналистской и интуитивистской философии. Тема русской идентичности поднимается в книге «Характер русского народа» (1957), а также в отдельных статьях эмигрантских периодических изданий.

Направление, развиваемое Лосским в онтологии и теории познания, обозначается термином «иерархический персонализм». По мысли философа, действующей силой, организующей мир как целое, является «субстанциальный деятель» — вневременная и внепространственная мировая сущность. Согласно динамической модели организации бытия «реальное бытие» (включающее материальные и духовные процессы), «идеальное бытие» и «металогическое» (мировое) бытие — результаты постоянного (созидательного и деструктивного) взаимодействия «субстанциальных деятелей». Субстанциальные деятели свободны. Они способны организовывать сверхиндивидуальные связи, к каковым можно отнести семью, нацию, государство, оставаясь самодостаточными. Можно сказать, что наше «Я» (являющееся также «субстанциальным деятелем») в контакте с другими «Я» образует некоторое устойчивое комплексное представление, которое можно назвать термином «национальный характер» (в данной ситуации — «характер русского народа»). Национальный характер включает следующие элементы: представления о территории проживания, язык и вербальные способы обозначения реальности, ментальность, содержащую устойчивые формы отношения к себе и другим. По мысли персоналиста Лосского, свойства национального характера вторичны по отношению к свойствам индивидуальных «Я». «Эти общие свойства, — уточняет Лосский, — представляют собою нечто вторичное, производное из индивидуальной сущности каждого отдельного лица, но все же они заслуживают исследования, потому что дают представление о том, с какими чертами характера чаще всего можно встретиться в среде данного народа» [2, с. 7]. Вторичность, скорее всего, объясняется тем, что к первичным Лосский отнес свойства, происходящие из главной функции «субстанциальных деятелей» — творчества и поддержания бытия. Вторичные же свойства — результат исторической деятельности (сотрудничества) отдельных «Я», связанной с процессами «притяжения» и «отталкивания». Интерпретируя эти термины в культурфилософском контексте, можно сказать, что национальный характер формируется как вид «отвлеченного» единства отдельных «Я» («притяжение») и как способ отличия себя от других («отталкивание», «вражда»). Напрашивается аналогия «вторичности» свойств национального характера с «вторичностью» моделирующих систем культуры в семиотической концепции Ю.М. Лотмана. По Лотману, их «вторичность» проистекает из планетарно-исторической необязательности в поддержании жизни (в рамках физики, хи-

мии, биохимии процессов). Вторичные моделирующие системы развиваются при условии усложнения человеческого бытия, когда формируются социальные структуры (социокультурная надстройка). Вместе с тем если «вторичные моделирующие системы» Лотмана могут постоянно совершенствоваться, то «вторичные» свойства характера, как и вторичность культуры, у Лосского должны преобразоваться: «отвлеченное» (формальное, условное) единосушие субстанциальных деятелей должно быть заменено на «конкретное», что, согласно философу, в полной мере осуществимо лишь в бытии «металогическом». На этом этапе уже нет противостоящих друг другу культур и национальных характеров, а есть совершенное бытие, поддерживаемое всеми «субстанциальными деятелями».

105

Каков метод Лосского? Русский философ последователен и точен: во-первых, реализуя холистский подход, Лосский отмечает, что национальный характер как целое представляет собой состояние «симфонической личности» (термин, заимствованный у Л. П. Карсавина). Этот характер возможно постичь интуитивно, но нельзя рационализировать без упрощения. А потому в качестве предмета философского исследования мыслитель берет не русский национальный характер вообще, а отдельные характеры русских людей. Во-вторых, автор полагает, что необходимо выявить базовые элементы, служащие каркасом национальных характеров, — своего рода первообразы, гештальты. В-третьих, найти «вторичные», содержащиеся в этих гештальтах черты — пары противоположностей и дать им адекватное истолкование. «Не следует думать, — пишет философ, — что общие свойства, которые удастся найти, принадлежат каждому русскому человеку. В жизни каждого народа воплощены пары противоположностей и их особенно много среди русских людей. Многие из этих противоположностей встречаются также и у других народов, но у каждого народа они имеют своеобразный характер» [2, с. 7].

В качестве эмпирической базы исследования Лосским были взяты различные философские, исторические, литературно-художественные, эпистолярные, дневниковые произведения русских авторов разных социальных условий и времен. Лосский полагает, что художественная или философско-публицистическая мысль способна зафиксировать противоречивое движение духа и стать достоверным источником, отображающим реальность. Заметим, что Лосский, как и другие русские мыслители, отчасти был воспитан на революционно-демократической критике, что позволяло ему считать, что художник слова заботится не только об эстетической форме, но и об отображении правды жизни, которой эта форма наполняется. Потому черты русского характера, почерпнутые из текстов, выглядят у Лосского застывшими в истории, что, конечно, не позволяет учитывать их как содержательную основу современного культурфилософского исследования. Однако в этой ситуации ничего предосудительного нет, поскольку согласно законам логики и роста научного знания современный исследователь стоит перед иными проблемами и руководствуется иными методами.

Какие же элементы характера русского народа осмысливает Лосский? Это «религиозность», «способность к высшим формам опыта», «чувство и воля», «свободолюбие», «доброта», «мессианизм» и «миссионизм», «нигилизм». Также Лосский знакомит читателей с отдельными проявлениями российской культурной истории, в рамках которой также было сформировано определенное отношение к миру: «старобрядчество» и «народничество», рассматривая их не столько как исторические явления, сколько как проявления менталитета. Заметим, что некоторые из представленных первичных черт обнаруживаются и у современного россиянина. В рамках статьи рассмотрим, на наш взгляд, наиболее интересные из представленных характеристик.

Рассуждая о религиозности как об одной из основных черт русского народа, Лосский, опираясь на обширный литературный материал, выделяет две оппозиционные формы: *религиозность в рамках православной доктрины* и *религиозность внецерковная*. Православная религиозность предполагает служение миру во имя его преображения. Однако (здесь Лосский опирается на идеи Бердяева и Карсавина) русское православие имеет подчеркнуто пассивное проявление: русский человек пребывает в уверенности будущего «обожения» мира. Кроме того, русский человек стремится действовать во имя чего-то «абсолютного», «абсолютированного» [2, с. 13]. Эта установка, по мысли Лосского, делает его равнодушным, подчас пренебрежительным к историческому настоящему в нежелании что-либо изменять конкретно (принцип малых дел), поскольку все положительные изменения мира имеют внешний трансцендентный источник. Однако это мнение не мешает самосовершенствоваться. Русская религиозность носит подчеркнуто антропоцентрический характер, что, конечно, отображено в культурных текстах России. Среди качеств, сформированных в рамках православного религиозного сознания, выделяются богобоязненность, смиренность, кротость, милосердие, бытовая простота, жизненная мудрость, предпочтение духовного блага материальному. По мысли Лосского, эти качества популяризировались как в культуре русского Средневековья (летописи, жития, слова, поучения и пр.), так и в культурах Нового времени (масонские просветительские практики, монашество, старчество, политическая и творческая деятельность русской интеллигенции). Хотелось бы отметить, что и Лосский, и другие представители философии русской эмиграции тему религиозности делали основополагающей при сравнении русской культуры с культурой Западной Европы, отмечая такие негативные качества последней, как «бессердечие», бездуховность, прагматизм, утилитаризм, индивидуализм [1].

Противоположным проявлением религиозности в русской истории, по мнению Лосского, является религиозность *внецерковная*, развившаяся в среде русской революционной интеллигенции. «Отошедшие от Церкви образованные люди утратили христианскую идею Царства Божия, — пишет Лосский, — однако многие из них сохранили стремле-

ние к совершенному добру и мучаются неправдою нашей грешной земной жизни. Это настроение обнаруживается, например, в искании социальной справедливости» [2, с. 20]. Заменяя религиозное мирозерцание научным мироосмыслением, русские интеллигенты по-прежнему устремлены к реализации идеала устройства Царства Божьего на земле, к учреждению новой догматики, новых образцов проявления святости, новым культовым формам, новым сакральным ценностям. Эти черты внецерковной религиозности Н. О. Лосский представил, например, в статьях, посвященных состоянию науки, философии и религии в послереволюционной России.

Другим важным качеством русского характера, по мнению Н. О. Лосского, является способность к «высшим формам опыта». Необходимо отметить, что в его интуитивизме термин «опыт» строго определен. Опыт есть ситуация контакта субстанциальных «я» друг с другом на основании того, что все части мира пребывают в состоянии «органической» взаимосвязанности. В опыте различаются онтологическая и гносеологическая составляющие. Онтологическая составляющая заключается в том, что все части мира постоянно координируют друг с другом, что делает их друг другу открытыми. Гносеологическая составляющая состоит в том, что опыт возможен на основе интуиции — главной когнитивной способности субстанциальных «Я» высшего порядка. В опыте ищущий обретает «целое познание», состоящее из субъективной информации, полученной на основании таких интуитивных действий, как внимание (интенция) и различение, и присутствия самого предмета познания. Форм опыта столько же, сколько и видов интуиции. К «высшим» Лосский относит нечувственную, интеллектуальную, мистическую, религиозную интуиции (опыты), а также аксиологический опыт.

Среди способностей к «высшим формам опыта» русский философ главным образом выделяет религиозный, этический, эстетический опыт, опыт «живого восприятия чужого» (эмпатии). Так, рассуждая о нравственном опыте, Лосский замечает: «Русский человек... часто грешит, но обыкновенно рано или поздно отдает себе отчет в том, что совершил дурной поступок, и раскаивается в нем. Совершив тяжелое преступление, он иногда кается всенародно» [2, с. 29]. Эмпатия также метко охарактеризована русским философом: «Живое восприятие чужой душевной жизни обнаруживается между прочим в следующем свойстве русских людей. Англичане и особенно американцы не понимают речи собеседника при малейшей ошибке произношения, потому что внимание их сосредоточено на внешней стороне речи, на звуках ее. Наоборот, русский человек, обыкновенно, понимает собеседника даже и при значительных недостатках произношения; объясняется это тем, что он направляет свое внимание сразу на внутреннюю сторону речи, на смысл ее, непосредственно, то есть интуитивно улавливаемый им» [2, с. 30].

Немаловажную роль в отношении человека к миру играют его чувства и воля. В антропологической концепции Лосского эти понятия

взаимосвязаны: воля есть стремление приобщения к ценностям мира. Сама же ситуация приобщения предполагает возникновения чувств, которые обогащают жизнь или, наоборот, разрушают. Согласно Лосскому, русский человек — чрезвычайно волевая натура. В истории России множество примеров *коллективного* и *индивидуального* проявления воли: от героического ответа захватчикам (например, самосожжение жителей Смоленска при его осаде королем Сигизмундом) до волевого противостояния отдельных личностей обществу (например, Аввакум, М. Бакунин, Л. Толстой). Волевые действия предполагают и определенные смысловые оттенки, которые также маркируются Лосским. Так, у казачества это «молодечество» и «лихость»; у новаторов в политике, искусстве — «смелость», «бунтарство», «экстремизм».

Достаточно внимания Лосский уделяет специфике отношения русского человека к труду. Утверждая, что большая часть территории России — с неровным климатом, предполагающим лето с небольшим количеством солнечных дней, Лосский отмечает, что труд русского крестьянина интенсивный, но непродолжительный. Однако это не значит, что русский человек ленив. Скорее, он склонен к смене деятельности, продиктованной погодными и климатическими изменениями.

Противоположной стороной волевых проявлений, по Лосскому, является русское безволие, обозначаемое термином «обломовщина». Философ пишет: «Частичная обломовщина выражается у русских людей в небрежности, неточности, неряшливости, опаздывании на собрания, в театр, на условленные встречи. Богато одаренные русские люди нередко ограничиваются только оригинальным замыслом, только планом какой-либо работы, не доводя ее до осуществления. Давно уже было замечено, например, что беседа с западноевропейским ученым дает то, что им выражено в его трудах, а общение с русским ученым оказывается, обыкновенно, гораздо более содержательным и более полным новых мыслей, чем его печатные труды» [2, с. 46].

Еще одним фундаментальным качеством русского народа является доброта, включающая «мужественную природу» — характер, сформировавшийся в сложных природных и социальных условиях, и «женственную мягкость» — внимательность, способность к жалости, сочувствию, состраданию. Обратная сторона доброты — лживость, угодливость. Характеризуя это свойство характера, Лосский ссылается, в частности, на Ф. М. Достоевского: «О русском вранье, — пишет Лосский, — Достоевский написал целую статью, очень насмешливую: “у нас”, говорит он, “в огромном большинстве лгут из гостеприимства”, “хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну лгут, даже, так сказать, жертвуя собою”» [2, с. 72]. Противоположной стороной доброты оказывается жестокость, которая, к сожалению, также нашла свое отображение в национальной культуре. Лосский пишет о проявлениях жестокости как на государственном (телесные наказания), так и на индивидуальном уровне (унижение богатыми бедных, насилие в крестьянских семьях и городской обывательской

среде). Русский народ, устремленный к высшим идеалам, по мнению Лосского, пребывает в постоянной борьбе с жестокостью. Так, Островский, Толстой, Чехов, Горький обличали русскую жестокость, обращая внимание на онтологическую силу и действенность добра.

Тема добра взаимосвязана с темой свободы. По Лосскому, «совершенное добро» реализовано лишь в Царстве Божьем. В эмпирической реальности мы имеем дело с «полудобром» — добром, соединенным с какими-либо аспектами зла. Несовершенство добра предполагает свободный выбор вариантов развития судьбы. В русском характере свобода амбивалентна. Лосский, опираясь на художественную литературу и публицистику, отмечает широкий спектр проявления свободы у русских — от «произвола» (герои Ф.М. Достоевского) до нравственно-религиозной свободы (А.С. Пушкин, К.С. Аксаков). Длительный путь осмысления взаимосвязи свободы и необходимости привел русских авторов к мысли об особом цивилизационном пути развития России. Эта тема рассматривается Лосским через понятия «мессианизм» и «миссионизм».

По нашему мнению, лишь у Лосского эти понятия объединены в единый мировоззренческий комплекс. Мессианизм, или «мессианство», — осознание себя причастным высшей идее (в данном случае — христианскому универсалистскому началу). Миссионизм — следование определенным руководствам воплощения высшей объединительной идеи в рамках своей культуры или в межкультурном диалоге. Лосский представляет целую серию мессианистских и миссионистских концепций, выработанных русской социально-философской мыслью, — от старца Филофея до С.Н. Булгакова. Наиболее плодотворной из них, по мнению Лосского, является концепция В.С. Соловьева об «истинном единстве всех народов», согласно которой человечество в социально-исторической практике должно реализовать принцип взаимодействия и солидарности всех для полноты жизни каждого. «На этом пути, — пишет Лосский, — осуществляется не отвлеченный общий человек марксистов, а конкретный всечеловек в том смысле, что каждый индивидуум в соборном единении с другими индивидуумами участвует во всей полноте и разнообразии жизни человечества. Такой идеал противоположен всенивелирующему и всеобедняющему интернационализму: это — супранационализм (согласно выражению классического филолога Фаддея Францевича Зелинского в одной из его статей, напечатанной в газете “Речь”), требующий не подавления, а развития национальных особенностей» [2, с. 108]. Лосский отмечает, что миссианистская идея проводится каждым народом, каждой культурой. Ее специфика выражается не в том, чтобы противопоставить себя остальным культурам, и не в том, чтобы раствориться в них, но в том, чтобы обеспечить соборное симфоническое развитие, где все работают на благо каждого. В этой «супранационалистической» идее разворачивается идеал единотворения субстанциальных деятелей в Царствии Небесном, описанном в большинстве произведений философа-персоналиста. Земным выражением этого идеала являются, например, человеческий организм, где все ор-

ганы, оставаясь индивидуальностями, работают на жизненность целого, или оркестр, мелодия которого строится из слаженной игры соприствующих инструментов. Заметим, что «супранационализм» лишь финальная ценность, желанная для всех культур, в реальности же мессианистские и миссионерские концепции реализуются в формах интернационализма или национализма, приводящих, по мысли Лосского, к туиковым результатам социально-исторического бытия.

Таким образом, Н. О. Лосский, формируя методологию осмысления национального характера, отмечает:

1) устремленность всех народов к реализации высших идеалов гармонического сосуществования;

2) наличие определенных устойчивых ментальных образов-гештальтов в русском национальном характере (религиозность, способность к высшим формам опыта, чувство и воля, свободолюбие, доброта, мессианизм и миссионизм, нигилизм).

В рамках каждого из этих образов присутствует обширный спектр вариантов его проявления. Причем, подчеркивает Лосский, у каждого народа это свой набор.

Лосский отмечает, что национальный характер относится ко вторичным формам проявления субстанциальных деятелей, однако при формировании мессианистских и миссионерских концепций необходимо реализовать принцип «истинного единства всех народов», учитывающий как социокультурную индивидуальность, так и формы толерантного отношения к иным проявлениям социокультурного бытия.

Список литературы

1. Ильин И. А. Путь к очевидности. Мюнхен, 1957.
2. Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт н/М, 1957.
3. Малыгина И. В. Культурная идентичность современной России: испытание мультикультурализмом. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2012_Sbornik/2012_Dokladi/2012_sec2/025_2012_sec2.pdf (дата обращения: 14.07.2015).
4. Михайлова М. А. Этнокультурная идентичность в условиях культурной глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. Вып. 14.

Об авторе

Вячеслав Игоревич Савинцев – канд. филос. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: vyacheslav-savincev@yandex.ru

About the author

Dr Vyacheslav Savintsev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: vyacheslav-savincev@yandex.ru